

Г.Р.Доброва
С.-Петербург

**К вопросу о восприятии элементов персонального дейксиса
ребенком и обезьяной: что же на самом деле является
прерогативой только человеческого разума?**

На протяжении уже достаточно длительного времени человечество не может отказать себе в удовольствии время от времени ставить перед собой вопрос: чем мы отличаемся от братьев наших меньших (читай – в чем мы умнее, чем мы лучше и т.п.). Не будем говорить о тех, кто видит наше отличие в том, что у нас – есть душа, или о тех, кто считает животных «тварями неразумными». В последнее время, как представляется, заметна даже некая противоположная тенденция – доказывать (с помощью популярных телепередач и др.), что животные – нисколько не хуже нас. Меньше всего нам хотелось бы, чтобы данная статья была воспринята именно в таком контексте: единственная скромная цель, которую в данном случае мы перед собою ставим, – это попытаться разобраться в конкретном вопросе о том, какие элементы персонального дейксиса в принципе доступны для восприятия не только человеку, но и животному, а какие все же остаются прерогативой исключительно человеческого разума. Сразу хотелось бы подчеркнуть: мы ни в малейшей степени не претендуем на то, чтобы профессионально утверждать нечто в отношении обезьян, здесь мы исключительно опираемся на то, что видели своими глазами или почерпнули из достаточно серьезного научного источника. При этом заметим, что и интересовали нас обезьяны в данном случае не сами по себе, а лишь для того, чтобы «очертить круг» – сравнив ребенка с обезьяной, определить, какая часть речевой способности ребенка, постигающего язык, и в частности, какая часть его способности к восприятию дейксиса, является (а какая – не является) исключительно принадлежностью человеческого разума.

Итак, на протяжении ряда лет мы исследовали вопрос об усвоении детьми личных местоимений как элементов персонального дейксиса. Поскольку для ответа на поставленные выше вопросы нам надо будет сформулировать основные выводы, которые мы делаем в отношении усвоения детьми персонального «речевого» дейксиса, остановимся хотя бы кратко на вопросе об онтогенезе персонального «речевого» дейксиса (в данном случае нет возможности говорить об этом подробнее, поэтому отметим лишь, что мы понимаем персональный дейксис

несколько шире, чем это обычно принято, включая в него не только персональный речевой дейксис – личные местоимения, но и персональный социальный дейксис – термины родства, поэтому и использовали не просто термин «персональный дейксис», а термин «персональный речевой дейксис»).

Личные местоимения играют одну из центральных ролей в формировании функционально-семантического поля персональности (о ФСП персональности см. [Теория функциональной грамматики... 1991]), поскольку наряду с личными формами глагола именно они и формируют грамматическую категорию лица. При этом на самых ранних стадиях речевого онтогенеза личные местоимения (а также слова, временно принимающие на себя их функцию) особенно значимы, поскольку на этом этапе речевого развития личные формы глаголов могут еще отсутствовать, точнее – не манифестироваться с помощью специальных маркеров, личных окончаний (глаголы – в так называемых «первоформах»).

Если вопрос о личных местоимениях в русском языке относится к числу весьма подробно исследованных (см., например, [Пешковский 1956, Маловицкий 1968, 1976, Вольф 1974, Селиверстова 1988, Булыгина 1990, Шведова и Белоусова 1995] и мн. др.), то специальных исследований, посвященных становлению персонального дейксиса и функционированию личных местоимений в детской речи, в отечественной научной литературе почти нет. Этим вопросом интересовалась Н.И.Лепская [Лепская 1987, 1992, 1997: 63-71, 130], справедливо отмечавшая такие особенности первых использований детьми личных местоимений, как сложности, связанные с усвоением взаимобратимости местоимений 1-го и 2-го лица; более раннее появление инклюзивного «мы» по сравнению с эксклюзивным и др. Не можем не упомянуть еще С.Д.Кацнельсона, который, как выяснилось недавно, интересовался этими вопросами и, отметив такие специфические свойства местоимений 1-го/2-го л. в связи с возникающими у детей в ходе их усвоения проблемами, как зависимость от ситуативных условий, эгоцентричность, использование говорящим и собеседником этих местоимений «в противоположных смыслах» и т.д., замечательно сформулировал основные сложности, стоящие на пути усваивающего местоимения 1-го/2-го л. ребенка: «Появление форм первого и второго лица связано с выработкой некоторых мыслительных категорий. К ним относятся категории речевой ситуации, назывного и местоименного обозначения, говорящего и слушающего и др.» [Кацнельсон 2001: 354] (заметим в скобках, что выше, говоря об интересе С.Д.Кацнельсона к этой проблеме, мы не случайно написали «как выяснилось недавно»: эти идеи

исследователя, насколько нам известно, ранее не публиковались и стали достоянием научной общественности только в 2001 г., после выхода в свет монографии из его научного наследия, показавшей, кстати, сколь серьезным был его интерес к детской речи вообще).

Между тем в зарубежной, особенно англоязычной, научной литературе существует весьма значительное количество работ, посвященных данной проблеме (например, [Bates et al. 1988, Budwig 1990, 1995, Charney 1980, Chiat 1981, 1986, Nelson 1973] и др.). Поскольку усвоение детьми местоимений 1-го и 2-го лица должно являться одной из явных онтогенетических межъязыковых универсалий (противопоставление говорящего и собеседника с помощью местоимений есть практически во всех языках), очевидно, что личные местоимения представляют собой весьма интересный естественный полигон для выявления межъязыковых универсалий и особенностей, связанных со спецификой конкретных языков при определении путей формирования грамматической системы в онтогенезе.

Занимаясь в течение ряда последних лет вопросом об онтогенезе персонального дейксиса (см., например, [Доброва 1999, 2000а, б, 2001, Dobrova 1999]) и исследовав как спонтанную речь русских детей (в общей сложности 13 детей: расшифровки магнитофонных записей и видеозаписей речи детей 1 – 3 лет из Коллективного Фонда данных кафедры детской речи РГПУ им. А.И.Герцена – всего порядка 260 часов звучания, а также несколько материнских дневников, отразивших речь каждого из детей на протяжении достаточно большого времени – вплоть до пяти лет), так и данные проведенного нами экспериментального исследования (39 детей 17-39 месяцев, данные прошли компьютерную обработку с применением программы Excel), мы сделали выводы о том, как происходит онтогенез персонального дейксиса. Остановимся в данном случае только на тех из этих выводов, которые нас будут интересовать в связи с указанной темой.

Итак, при усвоении «речевого» персонального дейксиса дети, в силу их эгоцентричности, проходят стадию, на которой они воспринимают лишь те элементы персонального дейксиса, которые относятся к ним самим. Именно это обстоятельство порождает тот достаточно известный факт, что многие дети поначалу используют в целях самореференции не личное местоимение, а личное имя (о себе – не «я», а «Петя»); в восприятии же находящиеся на этой стадии дети способны адекватно реагировать на местоимение 2-го л., но лишь до тех пор, пока оно адресовано им самим. Таким образом, в восприятии дети начинают с местоимения 2-го, а в продуцировании – с местоимения 1-го л. При этом эти «местоимения» – еще не истинные местоимения, по-

сколькx они являются жесткими десигнаторами, не способными менять свою референциальную отнесенность, они не обладают релятивностью, шифтерностью, ситуативностью (как зависимостью от ситуации речи), поскольку маркируют лишь одну «прагматическую переменную» (причем и «я» в продуцировании, и «ты» в восприятии – одна и та же «прагматическая переменная») – самого ребенка. Не будем в данном случае раскрывать подробно суть дискуссии, имевшей место и периодически возобновляющейся в онтолингвистической науке в разных странах, по вопросу о возможности/невозможности для ребенка понимать местоимение 2-го л. применительно к себе на стадии, когда он еще не понимает его в речи собеседника как обладающее референциальной отнесенностью к этому собеседнику. Отметим лишь, что наши данные показали, что, действительно, существует стадия, на которой ребенок, не способный еще к осознанию релятивности шифтеров, осуществляет некую субституцию – либо непосредственно заменяя дейктический элемент имеющим однозначную референцию существительным (личным именем или термином родства), либо «внутренне» заменяя дейктический знак недейктическим и превращая личное местоимение в однозначно закрепленный за одним референтом, самим ребенком, знак, по сути своей превращающийся тем самым в своего рода существительное (личное местоимение, в частности «ты» в восприятии – как обозначение исключительно его самого, ребенка), и тем самым «отсрочивая» на некоторое, необходимое для появления соответствующих когнитивных предпосылок, время необходимость разобратъся в этих «коварных» дейктических контрастах.

Таким образом, мы выявляем способность детей на некоторой стадии речевого онтогенеза воспринимать «ты», но лишь как обозначение его самого, ребенка, и считаем это неизбежным следствием (возрастной) неспособности к осознанию релятивности семантики шифтеров, что, в свою очередь, как мы полагаем, является одним из наиболее сложных моментов речевого онтогенеза.

После уточнения всех этих моментов мы можем наконец обратиться к сравнению того, как воспринимают элементы персонального дейксиса ребенок и обезьяна. Отметим сразу, что ниже для сравнения мы будем использовать примеры из речи не русских детей, а американской девочки Алии (почерпнутые нами из [Savage-Rumbaugh et al. 1993]) – и вовсе не потому (как следует из всего вышeотмеченного), что не обладаем аналогичными (и, заметим, значительно более обширными) данными о русских детях, а потому, что речь этого ребенка удобнее всего сравнивать с речью обезьяны Канзи: эту девочку и эту обезьяну специально воспитывали на протяжении ряда лет в прибли-

зительно сходных условиях, а затем им специально давали задания и ставили перед ними вопросы приблизительно одинаковым образом – чтобы легче было сравнивать. Заранее отметим еще один момент: авторы данного эксперимента ни в коей степени не ставили перед собой столь конкретной цели, как мы, – исследовать особенности онтогенеза персонального дейксиса у ребенка и обезьяны; мы воспользовались для нашего сравнения тем, что точнее всего, наверное, было бы назвать «побочным продуктом» их эксперимента.

Итак, сопоставим наш вывод о недейктической природе начального восприятия детьми местоимения 2-го лица с фактами из совершенно иной сферы исследований – из исследований речевых возможностей приматов. Так, в последние годы в г. Атланта (штат Джорджия, США) проводились эксперименты, направленные на выявление возможности человекообразных обезьян, воспитанных в условиях, максимально приближенных к воспитанию ребенка (человека), понимать человеческую речь. При этом в ходе эксперимента реакция обезьян на человеческую речь сравнивалась с реакцией ребенка. Состоявшееся недавно наше личное знакомство с этой группой исследователей позволило нам задать им ряд вопросов, обобщение ответов на которые привело нас к следующим выводам: обезьяны способны не только связать звуковую оболочку с конкретным единичным денотатом, но и подняться на уровень понимания сигнификативного компонента значения. Например, мяч уверенно распознается обезьяной и тогда, когда он – настоящий, и в качестве изображения на телеэкране; звукокомплекс «собака», известный в качестве применяемого к живой собаке, легко распространяется обезьяной и на игрушечную собаку. Во всем этом мы имели возможность лично убедиться при просмотре соответствующих видеозаписей в ходе проводившегося в Атланте в октябре 1998 г. семинара (к самой обезьяне, по понятным причинам, нас, естественно, не допускали). Иными словами, в этом плане способности обезьяны оказываются ничуть не меньше способностей человека. Обезьяна, оказывается, также способна понять местоимение «ты» (заметим – когда оно относится к ней, к обезьяне). Только на один из наших вопросов экспериментаторы дали отрицательный ответ: когда обезьяну просили дать предмет какому-то другому лицу, обозначая его с помощью местоимения 3-го лица («дай ей»), задание не было выполнено; приходилось называть это лицо по имени.

Поскольку всё это показалось нам крайне интересным в плане сопоставления с выявленными нами особенностями восприятия местоимений детьми, а также в плане возможности получения выводов, которые касались бы специфики восприятия персонального дейксиса

именно человеческим разумом, мы решили остановиться на этом вопросе подробнее. Для того чтобы подтвердить (или опровергнуть) выводы, которые мы сделали из беседы с исследователями, мы обратились к их книге, в которой описывается и анализируется реакция на человеческую речь человекообразной обезьяны (бонобо) Канзи и в качестве приложения приводится подробная расшифровка длительного эксперимента (660 заданий и реакций на них) с Канзи и с девочкой Алией (от полутора до двух лет) [Savage-Rumbaugh et al. 1993].

Одним из вопросов, на которые мы хотели найти ответ в этом исследовании, был следующий: действительно ли Канзи понимает «ты» как обращенное к нему. Не может ли быть так, что он просто не реагирует на это местоимение вообще, выполняя команды, поскольку привык, что задания всегда адресованы ему, а не кому-то другому? В особенности такой вопрос может возникнуть, поскольку с Канзи общались по-английски: с одной стороны, среди английских форм общения с детьми (таким образом экспериментаторы и общались с Канзи), как нам представляется, более часто, чем в традиционных соответствующих русских формах, эксплицируется собственно местоимение 2-го л. (всяческие задания, имеющие форму типа «Can you throw..?», «Can you put...?», «Could you take..?», «You do hide» и др. – в русской традиции в подобных ситуациях для передачи соответствующих значений принято пользоваться императивами – «Брось», «Положи» и т.п.); с другой же стороны, в английском инпуте это местоимение никак в речи не выделяется, ударение на него не падает. Кроме того, наша задача осложнялась тем, что сами исследователи интересовались совсем иными аспектами восприятия речи и (как уже указывалось выше) никаких специальных заданий, связанных с пониманием местоимений, Канзи не предлагали; если какие-то данные на этот счет в ходе эксперимента и получились, то они скорее носили случайный или уж, во всяком случае, побочный, периферийный характер.

Между тем в результате внимательного знакомства с материалами американских исследователей можно с достаточно серьезной долей уверенности сделать вывод, что Канзи, действительно, понимает местоимение 2-го лица (естественно, как обращенное к нему). Рассмотрим такой пример. И на команду «You go hide», и на команду «Hide the toy gorilla» («Спрячься», «Спрячь игрушечную гориллу») Канзи реагировал адекватно (другое дело, что сам он прятался по-настоящему, т.е. выходя из поля зрения экспериментатора, а игрушку прятал таким образом, что она исчезала из поля зрения его, Канзи, но не экспериментатора, что легко, на наш взгляд, объяснить эгоцентрическим восприятием чужих пространственных точек зрения – ср. с восприятием чу-

жих пространственных точек зрения детьми, описанном нами в [Dobrova 1999]). Благодаря тому, что в английском языке в первом предложении эксплицитно присутствует само местоимение 2-го лица и что в обоих предложениях еще и используется один и тот же глагол «hide» (в русском языке такого быть не могло бы, пришлось бы использовать некаузативно-каузативно оппозиционные различные глаголы – «спрятаться» и «спрятать»), предложения, во всяком случае, по своему лексическому составу, вполне сопоставимы. Разумеется, мы учитываем разницу в порядке слов в обеих конструкциях, но полагаем, что, в любом случае, адекватная (различная) реакция Канзи на эти два задания недвусмысленно доказывает, что он реагирует на семантику входящих в эти предложения лексем (возможно, в сочетании с реагированием на различие синтаксических конструкций, что для нас в данном случае не столь и существенно).

Итак, Канзи адекватно понимает «ты», обращенное к нему. При этом он, как показывает наш анализ материала, не понимает местоимения 3-го лица, используемого по отношению к другому человеку. В приводимых ниже доказательствах нам придется объединить восприятие собственно личного местоимения 3-го лица и соответствующего посессивного местоимения, поскольку, во-первых, в английском языке они нередко омонимичны и, во-вторых, по-видимому (возможно, в силу соответствующей лингвистической традиции), рассматривались экспериментаторами как нечто единое: под общей формулировкой в теоретической части работы «Put the hat on person X» («Надень шапку на такого-то человека»), как мы поняли при работе над собственно экспериментальным материалом, подразумевались несколько разные (с нашей точки зрения) конструкции: «Put it on her head» («Надень ее на ее голову») – имеется в виду, что Канзи должен надеть шапку на ее (Розы, помощника экспериментатора) голову; и «Put the hat on Linda» («Надень шапку на Линду») – задание, адресованное девочке Алие. Оба испытуемых, и обезьяна и девочка, надели шапку на себя, что трактуется экспериментаторами одинаковым образом, как «сложности с посессивными терминами» [Там же: 129]. Не говоря уже о том, что во втором случае мы не совсем понимаем, о каком «посессивном термине», из-за ошибочной, по всей видимости, формулировки задания в эксперименте с ребенком, здесь может идти речь («Put the hat on Linda»), отметим более, на наш взгляд, существенное различие: мы полагаем, что причины ошибки, из-за которой оба испытуемых надели шапку на себя, – различны. У девочки, очевидно, это, действительно, тот самый эгоцентризм, о котором мы неоднократно писали (в том числе и выше, в данной статье). Подобный эгоцентризм она проявляет

и в других случаях. Например, на просьбы «Make the doggie bite the snake» («Сделай так, чтобы собачка укусила змею») и «Make the snake bite the doggie» («Сделай так, чтобы змея укусила собачку»), девочка укусила собачку сама [Savage-Rumbaugh et al. 1993: 101]. Заметим, что Канзи этого вовсе не сделал и выполнил оба эти задания правильно.

Таким образом, причину ошибки девочки мы видим в присущем ей (как и многим, как мы видим по результатам наших исследований, детям) эгоцентризме. Причина же ошибки Канзи, как мы полагаем, – иного плана. Очевидно, он надел шапку на себя, поскольку не понял значения местоимения «her» («ее»). Доказательством нашего вывода может служить то, что, когда задание было переформулировано, Канзи с ним прекрасно справился: «[Put the hat] on Rose's head» («Надень шапку] на Розину голову») – это задание он выполнил верно. Заметим, что при повторе того же задания девочке, когда задание ей настойчиво повторили несколько раз, она его выполнила, но, очевидно, с неохотой: надела шапку на Линду, но после этого как-то так подлезла под эту шапку, что та оказалась как бы над обеими. Подтверждением же того, что Канзи, действительно, не понимает посессивного местоимения в отношении третьего лица, служат и его реакции на другие задания. Так, на просьбу расчесать собачкину шерсть он реагирует правильно, но в ответ на формулировку, содержащую местоимение «his» («его» – его хвост, его ногу и т.д.), реагирует правильно «через раз», направляя действие то на игрушечную собачку, то на себя [Там же: 198]. Еще раз подчеркнем, что при этом аналогичное местоимение применительно к себе самому, соответственно – 2-го лица, Канзи прекрасно понимает. Так, рассмотрим для большего соответствия еще и его восприятие посессивного местоимения. В ответ на просьбу: «Put the monster mask on your head and scare Linda» (дословно – «Надень маску чудовища на твою голову и напугай Линду») – он всё выполняет верно.

Таким образом, документально подтверждается наш первоначальный вывод о том, что обезьяна понимает местоимение 2-го лица, когда оно относится к ней самой (в данном случае – к нему самому): у обезьян мы можем обнаружить то же, что мы в нашем собственном эксперименте выявили на каком-то этапе в речевом развитии детей, – понимание местоимения «ты» при отсутствии понимания грамматической «шифтерности», значит – недейктическое понимание «ты» как слова с жестко закрепленной референцией, т.е. по сути дела не как местоимения, а как существительного. Вместе с тем, как мы пытались доказать, обезьяна не способна понять местоимение 3-го лица, примененного по отношению к кому-то другому. Иными словами, мы можем сказать,

что «ты» обезьяне понятно, поскольку понимается ею как закрепленное за определенным референтом (так же, как это в определенном возрасте происходит и у ребенка – только у него это «неистинное», ограниченное, понимание в дальнейшем преодолевается, и «ты» превращается в дейктический знак), а «она» – обезьяне непонятно, поскольку зависит от речевой ситуации.

Полагаем, что из всего этого можно сделать следующий вывод: принципиальное отличие именно человеческого разума заключается даже не в способности понять сигнификативное значение слова (оказывается, на это способны и обезьяны), а в способности восприятия «шифтерной» референции, в способности понять, что референт словесного знака может зависеть от речевой ситуации, в способности генерализовать объекты не только по их общности в предметной реальности, но и по их роли в ситуации речи. Если предыдущее наше утверждение справедливо, то из него следуют важнейшие выводы, подтверждающие правомочность того совершенно особого внимания, которое мы предлагаем уделять становлению персонального дейксиса в речи детей.

Литература

Булгыгина Т.В. Я, ты и другие в русской грамматике // Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Г.В.Степанова. М., 1990

Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974

Доброва Г.Р. Осознание детьми речевой роли говорящего на ранних стадиях речевого онтогенеза//Когнитивные аспекты языкового значения 2: Говорящий и наблюдатель. – Иркутск, 1999

Доброва Г.Р. Соотношение «онтогенетических универсалий» и языковых/этнокультурных уникалий (на материале усвоения детьми слов релятивной семантики) // Материалы ХХІХ межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 14. Секция общего языкознания. Ч.2. – СПб.: СПбГУ, 2000а

Доброва Г.Р. Усвоение детьми личных местоимений: онтогенез персонального дейксиса//Речь ребенка: ранние этапы. Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып.1. СПб., 2000б

Доброва Г.Р. Функции первых падежных форм личных местоимений в начальной детской грамматике // Теоретические проблемы функциональной грамматики. СПб., 2001

Лепская Н.И. Личные местоимения в языке детей (становление, функции, семантика)//Вестник МГУ, сер.9, 1987, № 4

Лепская Н.И. Онтогенетические факты языка и их место в современной лингвистике // Вестник МГУ, сер.9, 1992, №3

Лепская Н.И. Язык и ребенок (Онтогенез речевой коммуникации). – М., 1997

Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М., 2001

Маловицкий Л.Я. Замечания о значении местоимений // Программа и краткое содержание докладов к X научно-методической конференции северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Ч.1. Л., 1968

Маловицкий Л.Я. Номинативное и дейктическое значение // Языковое значение. Л., 1976

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956

Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. – М., 1988

Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб, 1991

Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995

Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. – Cambridge, 1988

Budwig N. A functional approach to the acquisition of personal pronouns // Conti-Ramsden G., Snow C. (Eds.) Children's language. Vol.7. – Hillesdale, N.J., 1990

Budwig N. A developmental-functionalist approach to child language. – Mahwah, N.J., 1995

Charney R. Speech roles and the development of personal pronouns // Journal of child language. 1980. Vol.7. № 3

Chiat S. Context-specificity and generalization in the acquisition of nominal distinctions // Journal of child language. 1981. Vol.8. № 1

Chiat S. Personal pronouns // Fletcher P., Garman M. (Eds.) Language acquisition (studies in first language development). – Cambridge, 1986

Dobrova G. The acquisition of spatial points of view as a cognitive prerequisite for the acquisition of deixis: evidence from Russian children's speech perception and production // Psychology of language and communication. 1999, Vol.3, № 2

Nelson K. Structure and strategy in learning to talk.–Monographs of the society for research in child development. Serial №149. 1973. Vol.38.№ 3-4

Savage-Rumbaugh E.S., Murphy J., Sevchik R.A., Brakke K.E., Williams S.L., Rumbaugh D.M. Language and comprehension in ape and child. – Monographs of the society for research in child development. Serial № 233. 1993. Vol.58. № 3-4

© Добрава Г.Р.